

Ананьина Татьяна Сергеевна

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРИМЕТ И ПОВЕРИЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦАХ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ
(СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

Специальность 10.02.20 –
Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре контрастивной лингвистики Института иностранных языков Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

Научный руководитель:

Зимин Валентин Ильич,
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Аюпова Роза Алляметдиновна,
доктор филологических наук, профессор, профессор
кафедры германской филологии Высшей школы
русской и зарубежной филологии им. Льва Толстого
Института филологии и межкультурной
коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский
(Приволжский) федеральный университет»

Суровцева Светлана Ивановна,
кандидат филологических наук, доцент, доцент
общеузовской кафедры иностранных языков ФГБОУ
ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-
педагогический университет»

Ведущая организация:

ГОУ ВО Московской области Московский
государственный областной университет

Защита состоится 24 апреля 2019 г. в 11.00 часов на заседании диссертационного совета Д 850.007.12 на базе ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 105064, г. Москва, Малый Казенный пер., д. 5Б.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» по адресу: 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4 и на сайте ГАОУ ВО МГПУ www.mgpi.ru.

Автореферат разослан _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Герасимова С.А.

Общая характеристика работы

К проблемам, поднятым в работе, в разное время обращались многочисленные российские и зарубежные исследователи сопоставительного языкознания, фразеологии, лингвокультурологии, мифологии, такие, как: А.Н. Афанасьев, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, Д.О. Добровольский, М.Л. Ковшова, А.Ф. Лосев, С.В. Максимов, В.М. Мокиенко, А.Г. Назарян, В.Я. Пропп, В.Н. Телия, А. Ван Женнеп, П. Дюбуа К. Дюнтон, М. Куртуа, К. Лекутё, А.Д. Райхштейн, А. Рэй, М.-Р. Симони-Орэмбу, В. Шампьон-Винсент и др.

В предлагаемой диссертации в сопоставительном аспекте исследуются фразеологические единицы (далее – ФЕ) русского и французского языков, отображающие в своей семантике приметы и поверья. Подобные ФЕ могут изучаться различными научными дисциплинами в разных аспектах: номинативном, дискурсивном, этнологическом, ритуально-магическом, аксиологическом, эмотивном и др. Проведенное исследование направлено на изучение семантического, этимологического, лингвокультурологического и сопоставительного аспектов выбранных ФЕ. Характеристика изучаемых ФЕ в этих аспектах приведет к их всестороннему описанию, так как все аспекты взаимосвязаны. В силу того, что французские ФЕ, восходящие к приметам и поверьям, менее известны в российской лингвистической литературе, основное внимание в работе было сосредоточено на представлении французских ФЕ.

Фразеологизм – это особый ономаσιологический знак, номинирующий и воспроизводящий в сознании целостную ситуацию и сочетающий в себе на равных правах собственно языковое и культурное значение. Такая трактовка реализована при сопоставительном анализе образов ФЕ русского и французского языков, восходящих к приметам и поверьям. Прделанная работа демонстрирует, как культурное значение (пласты и коды культуры) в семантической структуре ФЕ соотносится с другими компонентами ее значения, чем и как мотивируется образность ее структуры, какие именно культурные смыслы, восходящие к мифической картине мира русского и французского культурно-языковых социумов, находят свое отражение во ФЕ. Научное обоснование данное лингвистическое исследование получает в научных разработках Московской фразеологической школы под руководством В.Н. Телия: функционально-параметрический анализ, отражающий взаимосвязь всех макрокомпонентов семантики ФЕ (денотативного, грамматического, оценочного, эмотивного, функционально-стилистического и мотивационного) [Телия 1990], и разработанный позднее на его основе лингвокультурологический комментарий мотивационного макрокомпонента, раскрывающий образ внутренней формы ФЕ (пласты и коды культуры, заключенные в семантике фразеологизма) [Телия 2006]. Речь идет, таким образом, о комплексном и наиболее полном изучении, раскрывающем лингвистическое и культурное значение ФЕ, которое в настоящей работе дает возможность полной репрезентации и сопоставления ФЕ русского и французского языков, отображающих в своей семантике приметы и поверья.

Исследование обращено к мифологическим представлениям и дает возможность воссоздавать образные основания ФЕ, зародившиеся в глубочайшей мифологической древности и существующие ныне в области ирреальной

действительности, в нашем случае русского и французского языковых социумов. Это, в свою очередь, выводит на такую пока еще малоисследованную область культурной семантики, как философия образа. ФЕ, содержащие в своей семантике приметы и поверья, занимают большое место во фразеологическом фонде русского и французского языков.

При определении поверий и примет целесообразно опираться на их толкование в словарях русского языка [Словарь русского языка 1987; Ожегов, Шведова 1992]. Поверье – живущее в народе и передающееся из поколения в поколение предание, вера в различные наблюдения – приметы и выводы из них, идущие из глубины веков. Примета – явление, случай, которые, по народным поверьям, считаются предвестием чего-либо. Следует добавить, что приметы часто основаны на реальных наблюдениях человеческого сообщества, проживающего в течение длительного периода времени в конкретных геоклиматических условиях, и нередко содержат прогнозы погоды. Для данной работы интерес представляет, в первую очередь, их лингвистическое выражение. Вслед за М.А. Кульковой [Кулькова 2011: 14], приметы рассматриваются как паремии. В этом смысле в работе рассматриваются и поверья. Эти ФЕ имеют много общего между собой как в плане содержания, так и в плане выражения.

Таким образом, можно утверждать, что в диссертации представлена разработка таких лингвистических проблем, как: денотативное содержание ФЕ, отображающих в своей семантике приметы и поверья (их денотативная отнесенность заключается в самом содержании примет и поверий); описание макрокомпонентов семантической структуры выбранных ФЕ с акцентом на мотивационный макрокомпонент, заключающий в себе их внутреннюю форму; сопоставление выбранных русских и французских ФЕ по мотивационному макрокомпоненту с помощью лингвокультурологического алгоритма; выявление межъязыковых фразеологических эквивалентов и др. В частности, исследование лингвистической репрезентации примет и поверий во ФЕ русского и французского языков и применение лингвокультурологического комментария к анализу французских ФЕ, чья семантика восходит к приметам и поверьям, можно расценивать как вклад в методику сопоставительного изучения ФЕ различных языков в лингвокультурологическом аспекте.

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что в современных условиях билингвизма и полилингвизма наблюдается устойчивый интерес к изучению фразеологии разных языков в сопоставительном аспекте для выявления межъязыковых эквивалентов. Современная фразеология уверенно развивается в парадигме функционально-параметрического отображения семантики ФЕ, которое позволяет путем раскрытия их внутренней формы продемонстрировать их универсальные и национально-самобытные признаки [Современная фразеология... 2016]. Предпринятое исследование на материале русского и французского языков, опираясь на лингвокультурологический анализ, демонстрирует невозможность определения значения фразеологизма без анализа его культурной коннотации [Ковшова 2012; Телия 2006].

Следует также отметить, что в последнее время внимание фразеологов направлено на изучение способов видения внеязыковой действительности,

отразившейся в мифологическом сознании представителей различных этнокультурных социумов и закрепившейся во фразеологической картине мира [Антоныкова 2011; Коршунков 2015; Мокиенко 2012; Мурадова 2013]. Однако ФЕ, отображающие в своей семантике приметы и поверья, недостаточно представлены в русской и французской лингвистике. Приметы и поверья больше исследовались с культурологической точки зрения [Грушко Медведев 1996; Криничная 2004; Панкеев 1998; Lacotte 2001; Lecouteux 2000], а лингвистические средства их репрезентации в семантической структуре ФЕ остаются малоизученными [Иващинцева 2015; Кулькова 2011; Мурадова 2013; Потапушкин 2000; Jouet 1994; Lacotte 2000].

Объектом исследования в предлагаемой диссертации выступают ФЕ русского и французского языков, семантика которых восходит к приметам и поверьям.

Предмет исследования составляет сопоставление в семантическом, этимологическом и лингвокультурологическом аспектах ФЕ русского и французского языков, семантическая структура которых отображает приметы и поверья.

Основной **целью** работы являются лингвистический и культурологический анализ репрезентации примет и поверий во ФЕ русского и французского языков путем исследования выбранных ФЕ обоих языков в семантическом, этимологическом, лингвокультурологическом и сопоставительном аспектах, а также демонстрация их роли в современных русской и французской языковых культурах.

Для достижения намеченной цели в работе решаются следующие **задачи**:

1) составить выборку русских и французских ФЕ, в семантике которых отображены приметы и поверья, для проведения их лингвистического и культурологического анализа в сопоставительном аспекте;

2) обосновать целесообразность использования функционально-параметрического анализа семантики выбранных ФЕ, уделяя особое внимание мотивационному макрокомпоненту их семантики;

3) в рамках описания мотивационного макрокомпонента раскрыть внутреннюю форму изучаемых ФЕ как мотиватор их значения и культурной коннотации при обосновании целесообразности применения лингвокультурологического анализа их семантики;

4) с помощью лингвокультурологического комментария описать и сравнить структуру и содержание культурной коннотации (пласты и коды культуры) анализируемых ФЕ, выявив соотношение во фразеологическом знаке собственно языковой и культурной семантики, путем сопоставления универсальных и национально-самобытных символических элементов в их внутренней форме;

5) наметить и сопоставить основные сферы мифического сознания, в которых активно возникали и бытовали ФЕ, отображающие в своей семантике приметы и поверья и закрепившиеся во фразеологической картине мира русского и французского языков, определяя их особую роль в организации культурного пространства в языковом сознании представителей русского и французского культурно-языковых социумов;

б) провести сопоставительный анализ выбранных русских и французских ФЕ на основе лингвокультурологического комментария их семантики и установить межъязыковые эквиваленты в русском и французском языках соответственно.

Научная новизна диссертационного исследования во многом определяется тем, что в нем впервые используется предложенный В.Н. Телия лингвокультурологический подход к сопоставительному изучению способов трансляции примет и поверий в семантике ФЕ русского и французского языков. В работе впервые в сопоставительном аспекте демонстрируется соотнесение культурного значения (пластов и кодов культуры) в семантической структуре ФЕ с другими компонентами ее языкового значения на материале ФЕ русского и французского языков, чья семантика отображает приметы и поверья. В работе впервые рассматриваются некоторые выражения, не указанные в письменных источниках и взятые из неформального опроса носителей языка.

Теоретическая значимость диссертации в значительной мере обусловлена применением методики лингвокультурологического анализа к фразеологии французского языка в сопоставлении с русской. Представляется, что работа будет способствовать совершенствованию лингвокультурологического метода во фразеологии применительно к этнически важным ФЕ различных языков, а проведенное сопоставительное изучение выбранных единиц поможет прояснить проблему соотношения языка, мышления и культуры в области мифотворчества русского и французского культурно-языковых социумов. В исследовании древних мифологических образных оснований ФЕ работа обращена к такой области культурной семантики, как философия образа. Разработка лингвокультурологического комментария ФЕ, восходящих к поверьям и приметам, имеет значение в целом для развития лингвокультурологии на основе фразеологии.

Теоретическую базу диссертации составили труды ведущих российских и зарубежных исследователей общего и сопоставительного языкознания, например: К.Я. Авербуха, О.В. Афанасьевой, Е.В. Бирюковой, К.Н. Бурнаковой, С.В. Гринева, Л.Г. Викуловой, Л.Г. Поповой, З.Г. Прошиной, О.А. Сулеймановой, С.И. Суровцевой, Г.Т. Хухуни, Л.М. Шатиловой и др.; общей, русской и французской фразеологии: В.В. Виноградова, А.П. Василенко, В.Г. Гака, М.Л. Ковшовой, В.М. Мокиенко, А.Г. Назаряна, И.В. Скуратова, В.Н. Телия, К. Дюнтона, П. Гиро, Ж. Маторэ, А. Рэй, М.-Р. Симони-Орэмбу и др.; сопоставительной фразеологии: Ю.Ю. Авалиани, Р.А. Аюповой, А.Н. Баранова, А.М. Бушуй, А.Е. Гусевой, Д.О. Добровольского, А.В. Калининой, А.Д. Райхштейна, Ю.П. Солодуба, Т.З. Черданцевой, В.Н. Ярцевой и др.; перевода фразеологизмов: В.Г. Гака, В.И. Зимина, Л.К. Латышева, Н.Л. Шадрина и др.; мифологии: А.Н. Афанасьева, Н.А. Криничной, М.А. Кульковой, Е.Е. Левкиевской, А.Ф. Лосева, М.М. Маковского, С.В. Максимова, В.Я. Проппа, В. Шампён-Винсент, М. Куртуа, П. Дюбуа, К. Лекутё, А. Ван Женнеп и др.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования результатов и материалов исследования при подготовке учебной и методической литературы по русскому и французскому языкам, в разработке специальных курсов по общему и сопоставительному языкознанию, общей и сопоставительной

лексикологии и фразеологии. Результаты и выводы работы могут быть использованы при составлении фразеологических (двуязычных, лингвокультурологических, этимологических) словарей, в практике проведения школьных факультативных курсов по лексикологии и фразеологии, а также в практической деятельности фольклористов, исследователей мифотворчества и психолингвистики. Методика сопоставительного анализа в лингвокультурологическом аспекте ФЕ русского и французского языков может быть применима при изучении ФЕ других языков, восходящих к мифологическому сознанию.

Материалом для исследования послужили ФЕ (идиомы, пословицы и поговорки, устойчивые сравнения, наименования и т.п. [Телия 1996]), извлеченные из фразеологических словарей русского и французского языков и из трудов, посвященных приметам и поверьям (всего изучен 531 источник: 286 отечественных, 245 на иностранных языках). В работе проанализировано около 900 ФЕ (462 – из русского языка и 438 – из французского языка). Ядром фразеологических исследований являются, как известно, идиомы, давно существующие в языке, хорошо изученные и представленные в словарях. В настоящей работе анализируются идиомы, основанные на приметах и поверьях. Такие ФЕ были выбраны в основном из следующих словарей: «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2007] и «Большой фразеологический словарь русского языка» [Телия 2006] – для русского языка; «Новый большой французско-русский фразеологический словарь» [Гак 2005] и «Dictionnaire des expressions et locutions» (Словарь выражений и оборотов речи) [Rey, Chantreau 2006] – для французского языка.

В диссертационном исследовании анализируются также более сложные и менее устойчивые речевые обороты. Они меньше изучены в лингвистике и редко представлены в вышеуказанных словарях. Настоящая работа опирается на понимание фразеологии в широком смысле [Телия 1996], при котором выделяют следующие структурно-семантические разряды ФЕ: идиомы, фразеологические сочетания (коллокации), паремии (пословицы и поговорки), составные термины и наименования, крылатые слова и выражения, речевые штампы и клише, грамматические ФЕ. У всех разрядов общее – это многокомпонентность, устойчивость значения, воспроизводимость (разной степени). Приметы и поверья в их речевом оформлении рассматриваются в работе именно как ФЕ, точнее паремии [Кулькова 2011]. Подобные ФЕ взяты из авторских фразеологических сборников и специальной литературы по поверьям и приметам (с указанием источника). Также некоторые выражения почерпнуты из личного общения с носителями языка и снабжены в тексте диссертации специальной пометой (из неформального опроса носителя языка).

Задачи, поставленные в работе, и выбор теоретической позиции предполагают использование комплекса **методов исследования**, таких как: описательный и сопоставительный методы, метод культурного комментария, метод компонентного анализа и функционально-параметрического описания семантики ФЕ, этимологический метод, метод анализа и синтеза, метод неформального опроса, количественный метод и др. Для

лингвокультурологического анализа изучаемых единиц применяется в основном метод культурного комментария, предложенный В.Н.Телия. Применяемые в совокупности, вышеперечисленные методы позволяют раскрыть специфику семантики ФЕ русского и французского языков, основанных на приметах и поверьях.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась 28.10.2016 на расширенном заседании кафедры контрастивной лингвистики Института иностранных языков ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (протокол № 3). Основные положения и результаты исследования отражены в выступлениях, опубликованных в материалах десятой научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистической культурологии» (Москва, 2003 г.), двенадцатой Международной научной конференции «Актуальные проблемы лингвистики и лингвокультурологии» (Москва, 2015 г.), тринадцатой Международной научной конференции «Актуальные проблемы лингвистики и лингвокультурологии» (Москва, 2016 г.), Международной научной конференции «Романское культурное и языковое наследие: История и современность» (Москва, 21–22 июня 2016 г.), Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Института иностранных языков, «Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики: традиции и инновации» (Москва, 22–24 ноября 2018 г.), в сборниках материалов научных сессий по итогам выполнения научно-исследовательской работы в Институте иностранных языков Московского педагогического государственного университета за 2016–2017 и 2017–2018 учебные годы (Москва, 2017, 2018 гг.); а также в публикациях в научных журналах, вошедших в список изданий, рекомендованных ВАК РФ: «Преподаватель XXI век» (2009, 2016, 2017 гг.), «Вестник Московского государственного областного университета» (2016 г.), «Филологические науки. Вопросы теории и практики» (2018 г.).

Гипотезой исследования следует считать положение о том, что условия формирования и бытования примет и поверий в мифологическом сознании древних людей были во многом схожими в различных частях земного шара. Поэтому ФЕ русского и французского языков, отображающие в своей семантике приметы и поверья, предполагаются совпадающими по отражаемой в них концептосфере, но различающимися по способам выражения содержания концептов. Последнее же можно объяснить ментальными различиями представителей различных (в нашем случае русской и французской) лингвокультур, которые и обусловили специфические различия в мифическом восприятии одного и того же реального мира, отражаемого во ФЕ.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сопоставляемые русские и французские ФЕ, отображающие в своей семантике приметы и поверья, являются особыми ономаσιологическими знаками, номинирующими целые ситуации и сочетающимися в себе на равных правах собственно языковое значение и культурную коннотацию.

2. Денотативное значение сопоставляемых ФЕ, отображающих в своей семантике приметы и поверья, формируется не в области предметной действительности, а в области мифического сознания носителей русского и

французского языков. Мотивация их культурно-языкового значения связана с символическостью их компонентов.

3. В приметах и поверьях, репрезентированных в русских и французских ФЕ, «заложено» большое количество явлений реальной действительности, непосредственно наблюдаемых человеком природных, погодных явлений, животных, основных циклов жизни и т.п., подвергшихся мифическому переосмыслению и ставших так называемыми кодами культуры для означивания культурных смыслов.

4. Сигнификативные значения сопоставляемых русских и французских ФЕ являются фактически идентичными. Различия заключаются в национально-культурной специфике, заложенной в образах внутренних форм анализируемых ФЕ, и выявляются путем раскрытия и сопоставления мотивационного макрокомпонента их семантики. Наилучшим образом культурно-языковая самобытность проявляется при сопоставлении соотносимых по значению синонимических рядов и фразеосемантических групп ФЕ сопоставляемых языков.

5. В русских и французских ФЕ, в семантике которых отображены приметы и поверья, национально-культурная специфика проявляется в основном в представлении природно-климатических явлений, демонических «персонажей», потустороннего мира, имен святых, небесной сферы, означенных в их семантике следующими кодами культуры: демонологическим, «сверхъестественным», временным, небесным, природным, зооморфным, кодами болезни и смерти, загробного (потустороннего) мира. Во внутренней форме одной ФЕ могут заключаться несколько различных кодов культуры. Сопоставляемые ФЕ соотносятся, как правило, с архетипическим, мифологическим, библейским, фольклорным пластами культуры, а иногда с несколькими одновременно.

Структура и основное содержание работы

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Во **введении** определяются объект, предмет исследования, обосновываются актуальность, научная новизна, теоретическая ценность и практическая значимость работы, формулируются цель, задачи, гипотеза и положения, выносимые на защиту.

Первая глава диссертационного исследования «Теоретические предпосылки изучения фразеологизмов русского и французского языков, содержащих в своей семантике приметы и поверья» посвящена описанию теоретической базы исследования и содержит два подраздела. Ввиду заданного сопоставительного аспекта исследования в теоретической главе представляется необходимым изложить в сопоставительном ключе основные теоретические положения французской и русской фразеологии. Можно утверждать, что в XX в. русская и французская фразеология попеременно оказывали существенное влияние друг на друга, из чего следует необходимость указания основных этапов развития французской и русской фразеологической науки.

В первом подразделе показан путь, который французская фразеология прошла до настоящего времени. В ее становление можно выделить три периода: первый период – от возникновения французского языка в IX в. до XVI в.,

соответствует старофранцузскому и среднефранцузскому языкам. Это период господства паремииологии. В XV в. начинает снижаться употребление пословиц и появляется непословичная фразеология (идиомы и пр.).

Второй период – от XVI до конца XIX в. Это время раннефранцузского (XVI в.), новофранцузского (XVII–XVIII вв.) и современного французского (XIX в.) языков. Весь второй период характеризуется стремлением к обогащению языка выразительными средствами, одним из которых являются фразеологизмы. К XVI в. можно отнести зарождение новой лингвистической науки – фразеологии. Признается важная роль фразеологии в отражении национального духа и своеобразия народа. В XIX в. языковеды переходят от освещения отдельных явлений фразеологии к их систематизации, вырабатывается общая для французской фразеологии терминология.

Третий период – от начала XX в. до наших дней, соответствует современному уровню развития языка. Весь XX век проходит под знаком активного становления французской фразеологии как особого лингвистического учения, происходит теоретическое осмысление ФЕ. Большое значение в этом процессе имели работы Ш. Балли, повлиявшие на русскую фразеологическую науку на начальном этапе ее развития [Bally 1905]. До 70-х гг. XX в. под влиянием структуралистских идей Ф. де Соссюра в романской лингвистике в целом и во фразеологии в частности господствовал описательный подход [Соссюр 1977]. В конце 1980-х гг. под влиянием русского советского, а также немецкого языкознания во французской фразеологии начинается поворот к историзму [Rey, Chantreau 2006: X]. Французская лингвистика конца XX – начала XXI в. также обращается к диалектам и фольклору как источникам национальной самобытности и колорита французской лингвокультуры [Carton 1980; Joisten 1992; Simoni-Aurembou 1973, 1998; Weber 1986]. Некоторые французские этнологи вновь проявляют интерес к фольклору [Champion-Vincent, Renard 2002; Cretin 1999; Dubois 1996, 1997; Lacotte 2001; Lecouteux 2000; Van Genep 1980]. Одним из приоритетных направлений национальной языковой политики Франции сегодня становится лингвокультурология.

На сегодняшний момент наиболее полным этимологическим фразеологическим словарем современного французского языка французского издания является регулярно переиздаваемый «Словарь устойчивых выражений и оборотов речи» [Rey, Chantreau 2006]. Также периодически публикуются фразеологические тематические серии в виде авторских сборников, содержащие более обширные сведения о ФЕ по принципу семантического поля или концепта; они включают много разговорных единиц, не указанных в академических словарях, но еще не обобщены и не систематизированы [Depecker 1992; Mollard-Desfour 1998; Papin 1989].

В отношении данной работы заметим, что не было обнаружено (в том числе и во французских библиотеках) какого-либо отдельного издания, связывающего оба сюжета: фразеологию и фольклор, – включая, в частности, и тему представленной работы (ФЕ, а также поверья и приметы); напомним, что в современном «стандартном» французском языке (центрального региона) процент

подобных ФЕ очень невелик, тогда как в региональных наречиях и субкультурах их процент ощутимо выше [Lescouteux 2000] .

Во втором подразделе описывается путь, который прошла русская фразеология в своем развитии вплоть до наших дней. С именем В.В. Виноградова связан так называемый классический период русской фразеологии, в 40–50-х гг. XX в. ученый значительно развил учение Ш. Балли применительно к русскому языку [Виноградов 1946, 1947]. Позднее, в постклассический период, фразеологи приходят к выводу, что ФЕ формируются на образной основе исходного сочетания [Архангельский 1956, 1972]. В результате в конце XX в. развиваются новые направления, представляющие иной взгляд на вопросы, касающиеся объекта фразеологии, классификации ФЕ, мотивации фразеологического значения, такие, как когнитивизм и функционально-коммуникативный подход.

На основе функционально-коммуникативного подхода группой московских фразеологов Фразеологического подфонда Машинного фонда русского языка под руководством В.Н. Телия в 80-х гг. XX в. был разработан функционально-параметрический анализ семантики ФЕ, отражающий взаимосвязь всех макрокомпонентов их значения (денотативного, мотивационного, грамматического, оценочного, эмотивного и функционально-стилистического) [Телия 1990]. Особое внимание в этом анализе уделяется мотивационному макрокомпоненту, соотносящемуся с образом внутренней формы ФЕ, так как она не может быть понята и употреблена в полной мере без осмысления ее культурной коннотации. Таким образом, функционально-параметрическое отображение семантики ФЕ послужило проблемной группе «Общая фразеология и языки культуры» под руководством В.Н. Телия в качестве лингвистической основы для последующей разработки лингвокультурологического комментария ФЕ, раскрывающего пласты и коды культуры, заключенные в их семантике, точнее в их внутренней форме, и реализованного в «Большом фразеологическом словаре русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» [Телия 2006].

Для современного этапа русской фразеологической науки характерно расширение ее проблематики [Современная фразеология... 2016]. Многие направления, лишь намеченные в XX в., более подробно изучаются уже в XXI в., например этимология ФЕ [см. Бирих, Мокиенко, Степанова 2007; Мокиенко 2012], сопоставительный аспект фразеологии [Аюпова, Сахибуллина 2014; Калинина 2007; Баранов, Добровольский 2014; Гусева 2007, 2012; Суровцева 2013] и др. Здесь важнейшим является вывод о необходимости выделения параметров фразеологического значения, по которым можно проводить семантический и сопоставительный анализ, в том числе межъязыковой, так как от понимания семантики фразеологизма зависит и понятие межъязыкового фразеологического эквивалента [Калинина 2007; Кириллова 2003], актуального сегодня, в эпоху полилингвизма. Можно утверждать, что лингвокультурологический анализ, основанный на функционально-параметрическом отображении семантики ФЕ и рассматривающий их как сложную семантическую структуру путем выделения макрокомпонентов ее

значения, является универсальным методом изучения и сравнения ФЕ разных языков.

Отдельного упоминания заслуживает большой вклад советских и позднее российских фразеологов XX–XXI вв., привнесших лучшие традиции русского языкознания в исследования и развитие фразеологии иностранных языков, в частности в создание двуязычных фразеологических словарей [Новый большой французско-русский фразеологический словарь 2005 и др.].

Важнейшим выводом по первой главе можно считать заключение о том, что на протяжении XX в. французская и русская фразеологическая наука попеременно оказывали существенное влияние друг на друга. И если русская фразеология начинала свой путь, опираясь на достижения французской фразеологии, то в последние десятилетия XX в. и в XXI в., когда во французской лингвистике вновь отмечается подъем и даже популяризация фразеологических исследований, французские ученые во многом уже опираются на труды советских языковедов-фразеологов, развивавших учение В.В. Виноградова [см. Архангельский 1964; Астахова 1990; Гак 1995 и др.]. Сегодня и в российской, и во французской фразеологии отдается предпочтение функционально-коммуникативному, этимологическому, сопоставительному и лингвокультурологическому направлениям, возникновение которых было обусловлено предварительными исследованиями в историческом ключе, столь характерными для всей русской науки, и в частности для языкознания [Современная фразеология... 2016; Баранов, Добровольский 2014; Бирих, Мокиенко, Степанова 2007; Гусева 2007, 2012; Калинина 2007; Кириллова 2003; Ковшова 2012; Кулькова 2011].

Во **второй главе**, «Лингвокультурологический анализ фразеологизмов русского и французского языков, содержащих в своей семантике приметы и поверья», подробно описывается методика функционально-параметрического анализа и лингвокультурологического комментария [Телия 1990, 2006], обозначенная в первой главе диссертации, применительно к сопоставляемому материалу. Такой комплексный лингвокультурологический анализ семантики ФЕ является эффективным методом их изучения и сопоставления.

Способствуя совершенствованию этого метода в сопоставительном аспекте, предпринятое исследование на материале русского и французского языков служит дальнейшей разработке методологии раскрытия значения этнически важных ФЕ разных языков с этимологической точки зрения. ФЕ, восходящие к приметам и поверьям, часто нуждаются в этимологическом анализе, так как в их внутренней форме скрыты представления древних людей о мире, которые определяют культурно-языковое поведение современных носителей того или иного языка. Например, в основе идиомы *faire les yeux de basilic* «делать глаза василиска» – смотреть злыми, полными ненависти глазами – лежит легенда о василиске, мифическом существе с телом дракона и петушиной головой, от одного взгляда которого люди умирают на месте¹; в основе выражения *leший обвел* – о

---

¹ **Примечания к оформлению работы:** ФЕ выделены курсивом; французские ФЕ сопровождаются переводом на русский язык: буквальный перевод приводится в кавычках,

неразумных действиях, совершенных невольно, бессознательно, как в дурмане (изначально о заблудившихся в лесу) – поверье о том, что дух леса *обводит* – сбивает с пути человека в чаще леса [Грушко, Медведев 1996: 60, 250–254].

Лингвокультурологический анализ включает два этапа: функционально-параметрическое отображение семантики ФЕ и их лингвокультурологический комментарий, раскрывающий их национально-культурную самобытность, – таким образом, наиболее полно отражая семантическую структуру ФЕ. Здесь речь идет о сопряжении в равной степени собственно языковой и культурной информации во ФЕ русского и французского языков, этимологически восходящих к приметам и поверьям.

Функционально-параметрический анализ был разработан и эффективно применялся изначально для раскрытия семантической структуры идиом. В результате была создана общая модель функционально-параметрического отображения семантической структуры различных ФЕ, которая понимается как «некоторым образом упорядоченная (структурированная) последовательность макрокомпонентов, т.е. “пучков” признаков, несущих информацию одного типа» [Телия 1990: 34], как то: денотативный, грамматический, оценочный, мотивационный, эмотивный и стилистический макрокомпоненты, которые в совокупности дают наиболее полное представление о семантике фразеологизма [Фразеография в Машинном фонде... 1990: 15–16]. Эта модель имеет свойство универсальности и может быть применима при анализе семантики ФЕ любого, в нашем случае русского и французского, языка.

Например, функционально-параметрический анализ французской идиомы *oiseau bleu* (m.) «птица синяя/голубая» выглядел бы следующим образом [Ананьина 2016: 101–102]:

– денотативный компонент: обозначает «кого-л./что-л. с исключительными свойствами, то, что редко встречается; недостижимый идеал»;

– грамматический компонент: неизменяемая именная идиома мужского рода; изменяются категории числа и определенности; изменение детерминатива соответствует контексту, чаще используется в единственном числе с определенным артиклем; в предложении является подлежащим или дополнением;

– оценочный компонент: в основном с положительной оценкой, обозначая нечто редкое, особенное, то, что воспринимается как удача, проведение; отрицательная оценка возможна в контексте высмеивания исключительности;

– мотивационный компонент: мотивированность компонентом с символьным значением: этимологически восходит к древнему поверью о том, что *синяя птица приносит удачу*; благодаря популяризации этого образа в пьесе М. Метерлинка и позднее в детской сказке его жены Ж. Леблан *синяя птица* становится символом счастья, мечты, удачи [Mollard-Desfour 1998: 88];

русский эквивалент – через косую черту с пробелами (/); русские ФЕ даны без перевода; факультативные компоненты – в круглых скобках, варианты – через косую черту без пробелов (/), синонимы – через запятую, полисемия – через точку с запятой; пояснения – в круглых скобках.

– ЭМОТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ: зависит от контекста: в качестве текстовой метафоры – эмоция одобрения; иронии – эмоция насмешки, высмеивания недостатков;

– СТИЛИСТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ: присутствует в литературном, разговорно-литературном, разговорном языках, в художественном и публицистическом стилях, являясь в зависимости от контекста текстовой метафорой или иронией; обычно не используется в научном и официально-деловом стилях.

При сопоставлении этой идиомы с ее русским эквивалентом *синяя птица* (более редкий вариант: *голубая птица*) выясняем, что русская ФЕ является калькой с французской идиомы, значения всех макрокомпонентов совпадают с французскими, можно считать оба фразеологизма полными эквивалентами.

Ядром изучения семантики ФЕ путем функционально-параметрического анализа является описание ее мотивационного макрокомпонента, раскрывающее ее этимологию, внутреннюю форму и ее соотнесенность с фразеологической картиной мира и, таким образом, ее национально-культурную самобытность. Эта цель достигается лингвокультурологическим комментарием, который подразумевает четыре шага: раскрытие и описание образа внутренней формы ФЕ; соотнесение этого образа с тем или иным пластом культуры; соотнесение образа с тем или иным кодом культуры; анализ тропеических механизмов, соединяющих образ ФЕ и ее реальное значение [Телия 2006]. Такой алгоритм может считаться универсальным и применяться при лингвокультурологическом комментарии ФЕ любого языка, а в нашем случае дает эффект полноты исследования лингвистического и культурологического содержания ФЕ русского и французского языков при их сопоставлении.

Использование этого алгоритма и анализ материала позволили прийти к выводу о том, что в системе ФЕ русского и французского языков, в семантике которых отображены приметы и поверья, наиболее отчетливо проявляются мифологический, архетипический, религиозный и фольклорный пласты культуры. Такие ФЕ соответствуют в основном следующим кодам культуры: демонологическому, «сверхъестественному», временному, небесному, природному, зооморфному, коду болезни и смерти, загробного (потустороннего) мира.

Примеры фразеологизмов, относящихся к пластам культуры:

– к мифологическому: *метать громы и молнии, пойти/отправиться на тот свет, présider aux naissances/aux destins* «заведовать рожденьями/судьбами» / *вершить судьбы, faire les yeux de basilic* «делать глаза василиска» / *смотреть ледяным взглядом* и др.;

– к архетипическому: *выносить/вынести сор из избы* – разглашать сведения о каких-л. неприятностях, касающихся узкого круга «своих» лиц и скрывааемых от посторонних, «чужих»; поговорка *Вот бог, (а) вот порог!* – означает «ты (вы) здесь чужой (чужие)», порог символизирует границу между миром «своих» и «чужих» (архетипическое противопоставление «свой» – «чужой») [Красных 2003: 121–123], *entre ciel et terre* «между небом и землей» / *между небом и землей* – в неопределенном положении (архетип «верх» – «низ»), *se lever du pied gauche*

«встать с ноги левой» / *vstать с левой ноги* – быть в плохом настроении (архетип «право» – «лево») и др.;

– к религиозному: *камня на камне не оставить* и *камня на камне не останется*, *злота дня, неть Лазаря, jeter l'anathème sur qn* «бросить анафему на кого-л.» / *предать анафеме кого-л.* – проклясть кого-л., *vieux comme Hérode* «стар, как Ирод» / *стар(-о) как мир* – о ком-л. очень старом, (реже) о чем-л. древнем или давно существующем; многие из приведенных ФЕ являются так называемыми интернационализмами и присутствуют в обоих языках: *le fruit défendu* «плод запрещенный» / *запретный плод* – что-л. запрещенное, но очень притягательное, *s'en laver les mains* «себе от этого мыть руки» / *умыть/умывать руки* – уклоняться от участия в каком-л. деле [Papin 1989] и др.;

– к фольклорному: приметы *Каков Покров – такова и зима; Тех, кто работает в пятницу, Святая Пятница наказывает ногтеедою, заусеницею или болезнью глаз* [Грушко, Медведев 1996: 266], *le génie de la maison* «дух дома» / *домовой*; *l'Esprit follet* «дух сумасбродный» – одно из названий домового; шалопай; во мн. ч. (болотные) *блуждающие огоньки, l'Ogresse Verte* «людоедка зеленая» – болотное чудище, которое пожирает людей [Dubois 1996: 140], и др.

Относительно кодов культуры отметим следующее:

– к демонологическому коду культуры относятся, например, фразеологизмы: *нечистая сила, послать/пойти/лететь к черту*, пословица *В тихом омуте (болоте) черти водятся, tirer le diable par la queue* «тащить дьявола за хвост» – очень нуждаться, бедствовать, (едва) перебиваться и др.;

– к «сверхъестественному»: *Баба-Яга* (о какой-л. сварливой, некрасивой женщине), *домовой давит*, f. *âme double* «душа двойная» / *двоедушник; лицемер, C'est un cauchemar!* «это кошмар» / *Это кошмар какой-то!* и др.;

– к временному: *кануть в вечность*, пословица *Кто рано встает, тому бог (по-)дает*, f. *mauvaise heure* «плохой час» / *неблагоприятное/неподходящее время*, пословица *Il n'est qu'une mauvaise heure en jour* «есть только один плохой час в дне» – дальше будет лучше и др.;

– к небесному: *чей-л. звездный час, demeurer/rester (toujours) dans la lune* «проживать/оставаться (всегда) на луне» / *витать в облаках, élever qn/qch jusqu'au troisième ciel* «возносить кого-л./что-л. до третьего неба» / *превозносить кого-л./что-л. до небес* и др.;

– к природному: *(сидеть и) ждать у моря погоды, после дождичка/дождика в четверг*, примета *Etoiles plus brillantes que de coutume – pluie probable* «звезды более блестящие, чем обычно, – дождь вероятен» и др.;

– к зооморфному: *Ни пуха ни пера!*, (черная) *кошка пробежала между кем-л.* – отношения между кем-л. разладились, *откинуть копыта, aller au royaume des taupes* «пойти в царство кротов» – умирать/умереть, *avoir un chat dans la gorge* «иметь кошку в горле» – быть охрипшим; говорить хриплым голосом и др.;

– к коду болезни и смерти: *коровья смерть, моровая язва, на черный день, бежать от кого-л./чего-л. как от чумы / fuir qn/qch comme la peste* «избегать кого-л./чего-л., как чуму», *dire peste et rage de qn* «сказать чуму и ярость о ком-л.» / *ругать кого-л. на чем свет стоит* (отсюда глагол *pester qn* – ругаться, сердиться на кого-л. – *честить/поносить кого-л.*) и др.;

– загробного (потустороннего) мира: *отправиться на тот свет, царство Аида, manger l'herbe par la racine* «есть траву от корня», *fumer les mauves par la racine* «унавоживать мальвы с корня» – быть мертвым.

Очевидно, что во внутренней форме одной ФЕ часто заключены различные взаимосвязанные пласты и коды культуры, как бы «переключаясь» между собой, и при лингвокультурологическом комментарии, раскрывая один пласт с помощью какого-либо кода, мы вскрываем сопряженные с ним иные пласты и коды культуры [Ананьина 2016: 327–338]. Так, выражение *на черный день* может быть отнесено к временному коду, к коду смерти, а также к не обозначенному здесь цветовому коду культуры, подключающим архетипический и мифологический культурные пласты.

В культуре русского и французского социумов большую роль играют приметы и поверья, соответственно, в обоих языках значительное место занимают основанные на них культурно-самобытные ФЕ. Национально-культурные элементы их внутренней формы раскрываются путем этимологического анализа. Так, вышеупомянутая идиома *l'oiseau bleu* «птица синяя/голубая» этимологически восходит к древнему поверью, распространенному в европейских лингвокультурах, о том, что *синяя птица приносит удачу*, – в русской культуре такое поверье отсутствует, поэтому французскую идиому можно считать культурно-самобытной. В ее внутренней форме проявляются также специфические культурно-языковые нюансы значения: одна из исторических коннотаций французского колоронима *bleu* «синий, голубой» – волшебство, невероятность происходящего, неправдоподобность, наивность сказки (иные коннотации: меланхолия, грусть, хандра; нежность, преданность, чувство вечной любви) [Mollard-Desfour 1998: 88] – акцентирует денотативное значение всей идиомы «кто-л./что-л. с исключительными свойствами, то, что редко встречается; недостижимый идеал». Русская калька с французской идиомы – *синяя птица* – в русском языке часто заменяется производной ФЕ *птица счастья* (реже *птица удачи*). Семантические макрокомпоненты этих двух русских ФЕ совпадают с макрокомпонентами французского оригинала. Но компонент–характеристика *счастья* проявляет русскую культурно-языковую специфику (ср.: *искать счастья, попытать счастья* и др.) и ФЕ *птица счастья* можно считать не фразеологическим вариантом, но самостоятельной синонимичной единицей, которая является уже частичным эквивалентом французской идиомы *l'oiseau bleu* «птица синяя/голубая» [Ананьина 2016: 101–102].

Денотативное значение подобных ФЕ формируется не в области предметной действительности, а в мифологическом сознании носителей языка. Являясь знаками вторичной семиотизации, они выполняют особую функцию в символизации мира, мотивация их языкового значения и культурной коннотации связана с символичностью их компонентов. Так, например, во ФЕ *нести (свой) крест / porter sa croix* «нести свой крест» – безропотно преодолевать жизненные страдания – компонент *крест / la croix* является символом веры, страдания, судьбы; во ФЕ: *сказать по душе, donner/vendre son âme au diable* «отдать/продать свою душу дьяволу» / *продать черту душу* – *душа* – символ бессмертия, чувственного начала в человеке; в идиомах: *рука руку моет* – покрывать друг

друга, *отбиться от рук* – выйти из повиновения, стать непослушным – *рука* – символ власти; а во ФЕ: *быть чьей-л. правой рукой* – быть первым помощником, *протянуть руку помощи* – оказать помощь кому-л. – у того же компонента развивается символическое значение «помощь» [Телия 2006]. Таким ФЕ может быть присвоена мотивированность компонентом с символическим значением.

Таким образом, исследование развивает метод лингвокультурологического анализа, уточняя методику сопоставления семантики культурно и этнически важных ФЕ различных языков, восходящих к мифическому сознанию, на примере ФЕ русского и французского языков, во внутренней форме которых отображены приметы и поверья. Внутренняя форма ФЕ и ее соотношенность с фразеологической картиной мира определяют мотивационный макрокомпонент семантики ФЕ. При сопоставлении выбранных ФЕ русского и французского языков по мотивационному макрокомпоненту наилучшим образом раскрывается их национально-культурная специфика, что продемонстрировано в третьей главе исследования.

Третья глава, «Сопоставительное описание фразеологизмов русского и французского языков, содержащих в своей семантике приметы и поверья», имеет три подраздела. В ней приводится семантическое описание выбранных русских и французских фразеологизмов в сопоставлении по мотивационному макрокомпоненту их семантики. В главе говорится о происхождении поверий и примет, анализируются многочисленные ФЕ двух языков, образ внутренней формы которых этимологически восходит к поверьям и приметам, систематизируя их тематически, по фразеосемантическим рядам [Кириллова 2003]. Сравнимые ФЕ распределены по соотношенности их образности с поверьями о небесном своде, небесных телах и природных явлениях; о рождении, земной жизни, смерти, жизни после смерти. При этом ядром описания являются сами приметы и поверья, характерные для русской и французской лингвокультур, а также фразеологизмы, восходящие к ним. Для наглядности приводятся и иные ФЕ с символическим компонентом, описывающие то же фразеосемантическое поле, но периферийные по отношению к ядру.

С лингвистической точки зрения, вслед за М.А. Кульковой, которая рассматривает «народные приметы в паремиологической системе» языка, в работе приметы расцениваются как паремии, «сложные языковые феномены, обладающие свойствами как языковых, так и речевых единиц», наделенные «поливалентностью, что объясняется их аксиологической составляющей и сложной многомерной когнитивно-смысловой структурой» [Кулькова 2011: 14]. В этом же смысле понимаются и народные поверья, в их языковом и речевом оформлении. Действительно, наиболее лаконичное и красочное выражение поверья (суеверия как его частного случая) и приметы находят в пословицах, поговорках и устойчивых образных сравнениях. Например: пословица *Дай черту палец, он всю руку откусит* / *Quand on donne au diable son petit doigt, il vous prend vite toute la main* «когда даете дьяволу свой мизинец, он у вас быстро отбирает всю руку»; *быть/ходить как неприкаянный, не находить себе места/покоя* / (*être*) (*comme*) *une âme en peine* «(быть) как душа в страдании».

Однако как малые жанры народного творчества приметы и поверья в языковом оформлении характеризуются большим разнообразием структурных форм: они могут быть клишированы, но могут быть и пространными текстами. Это объясняется разными причинами: содержанием, степенью определенности/неопределенности референции, функцией в речевом общении. Например: *на краю света / au bout du monde* «на краю мира» – идиома, восходит к древнему мифологическому представлению, согласно которому Земля является плоской и за ее краями простирается бесконечный океан; *Le millepertuis – sang de saint Jean, protège du tonnerre, chasse le diable et améliore la vue* [Dubois 1982: 73] «зверобой – кровь святого Жана, защищает от грома, прогоняет дьявола и улучшает зрение» – в русском языке отсутствует (saint Jean «святой Жан» соответствует Ивану Купале) – может быть отнесена к паремиологическим единицам. К тому же приметы и поверья имеют много общего между собой, что объясняет нечеткость их границ, а, следовательно, и определения. Существуют разночтения в их интерпретации, так: *Черная кошка дорогу перебежала – к несчастью* – разными людьми, в зависимости от представлений, может расцениваться по-разному: как примета, как суеверная примета или как поверье.

ФЕ, этимологически восходящие к поверьям и приметам, как и сами поверья и приметы, представляют собой «устойчивые высказывания неопределенно-референтного типа», являются продуктом многовековой народной рефлексии и направлены на моделирование человеческого поведения как особый способ ориентации и адаптации общности людей в окружающем мире, как своеобразная система «коллективного иммунитета»; их общность проявляется больше всего в их «бессубъектности, безадресатности, клишированности» [Кулькова 2011: 8, 14] – у них нет индивидуального авторства, они принадлежат всему культурно-языковому социуму. Этим во многом объясняются общие свойства подобных единиц, относящихся к разным лингвокультурам [Ковшова 2012].

Языковые (фразеологические) картины мира русского и французского языков во многом сходны. Однако устойчивые выражения, восходящие к поверьям и приметам, в силу целого ряда лингвистических и экстралингвистических причин на их современном этапе развития менее распространены во французском языке, чем в русском. Наблюдаются типологические (общие) и контрастивные (различные) черты ФЕ русского и французского языков, в семантике которых отображены приметы и поверья. Так, вызывает интерес одна особенность: чем загадочнее поверье, тем оно древнее и тем чаще оно распространено в различных культурах, например: *Бедя не приходит одна / Un malheur ne vient jamais seul* «несчастье не приходит никогда одно»; *l'âme damnée* «душа проклятая» – *проклятая/окаянная душа*; *Разноцветная кошка приносит счастье / Le chat tigré apporte une bonne fortune* [Lacotte 2001: 88] «кот полосатый приносит хорошую удачу»; *Просыпать соль – к ссоре / Du sel sur la nappe, le mal vous attrape* «соль на скатерти, беда вас схватит» (из неформального опроса носителя языка); *On ne parle pas de malheur!* «не говорят о несчастье!» / *Как бы беды не накликасть!; Не каркай!*

В обоих языках присутствуют ФЕ, этимологически восходящие к мифологическому сознанию христианской и особенно дохристианской эпох.

Например, выражение ярости *Mille tonnerres!* «тысяча громов» восходит к греко-римскому культу бога-громовержца Зевса или Юпитера (*Гром гремит – Юпитер сердится*) [Николаев, Страхов 1985], может соответствовать русскому: *Черт возьми/побери!*, – где *черт* – русский мифический персонаж, олицетворяющий «злые силы», распространившийся в фольклоре в христианскую эпоху, но воспринявший черты более ранних образов [Зимин 2009: 584]; ФЕ *постучать по дереву / toucher du bois* «дотронуться до деревянного» (чтобы отвести сглаз, беду и т.п.) восходит к языческим поклонениям духам, населявшим деревья [Cretin 1999].

Различия зависят в основном от доминирующих в данном регионе культурно-языковых традиций, обусловленных в первую очередь геоклиматическими особенностями местности, где проживает данная общность людей, историческими событиями, религиозными различиями и т.п. Например: *décoiffer Sainte-Catherine* «снять головной убор со святой Екатерины» – выйти наконец замуж; *Звезды ярко блещут – к погоде, тускло – к ненастью / Etoiles plus brillantes que de coutume – pluie probable* «звезды более блестящие, чем обычно – дождь вероятен» – французская примета содержит обратный образ, что свидетельствует о климатических различиях.

В обоих языках наблюдается заимствование греко-римской культурно-языковой традиции, выраженной во ФЕ. Так, в обоих языках присутствуют ФЕ, типа: *троянский конь / le cheval de Troie* «конь Трои» – способ, позволяющий, не вызывая подозрений, коварством достичь своей цели; *рог изобилия / la corne d'abondance* – источник неиссякаемых благ и др., – которые можно считать полными эквивалентами. Однако во французских ФЕ, отображающих в своей семантике приметы и поверья, выявляется сосуществование элементов античной греко-римской культуры и представлений о мире древних народов (в основном кельтов), проживавших на территории современной Франции до завоевания их Римской империей. Античная греко-римская культура, которую в современной западной культурологии принято называть языческой, наложилась на «аборигенные» языческие системы верований древних народов, проживавших на территории нынешней Западной Европы, в эпоху завоевания их Римской империей посредством распространения вульгарной латыни, на которой говорили завоеватели. Став суперстратом более древних культур, она во многом предопределила общность дальнейшей эволюции мировоззрений современных европейских народов, во многих случаях, как, например, во французской культуре, практически растворив в себе самобытные основы культур покоренных народов. В дальнейшем, в эпоху Ренессанса, возобновленный интерес к культурным ценностям Античности утвердил основополагающий, так называемый языческий, статус греко-римской культуры в отношении западноевропейских народов – субстрат, на который позднее наложилась христианская культура. Не только Франция, но и большинство народов Западной Европы унаследовали немалую долю нравов, обычаев, в том числе религиозных и суеверных верований и убеждений Римской империи, которая, в свою очередь, переняла большую часть греческой античной мифологии. Например: f. *chemise d'Hercule* «рубашка Геркулеса» / приближ. *медвежья услуга*; губительный дар

(Геркулес – римское имя греческого полубога Геракла, совершившего множество подвигов и остававшегося непобедимым до тех пор, пока его супруга в плену заблуждения, желая сберечь его любовь, не преподнесла ему тунику, отравленную кентавром); иронич. *se croire (sorti) de la cuisse de Jupiter* «считать себя вышедшим из бедра Юпитера» (из мифа о происхождении Бахуса (греч. Дионис), которого отец Юпитер (греч. Зевс) донашивал в своем бедре, испепелив случайно любовью-молнией оболыщенную им Семелу на шестом месяце беременности [Papin 1989: 207] / *кичиться своим происхождением/своей голубой кровью*; быть чванливым. Согласно изученному материалу, конкретно эти образы не нашли устойчивого речевого оформления в русском языке.

В тексте диссертации сопоставляются многочисленные однословные и многокомпонентные номинации представителей мистического мира. Так, в русском и французском фольклорах существует множество поверий о *домовых* / *f. génie de la maison* «дух дома», *леших* / *m. sylvain, русалках* / *f. ondine, f. sirène* и др. Наименования таких персонажей являются компонентами многих устойчивых сочетаний. Например, от существительного *f. chimère* «химера» (от греч. *Chimaira* (ср. рус. *кикимора*), химера – мифическое чудовище, полулев-полукоза с хвостом дракона) образованы: *une chimère* / *химера, несбыточная мечта*; лит. *le pays des chimères* «страна химер» / *страна несбыточных надежд*; *L'espoir est souvent une chimère* «надежда (это) часто химера» / *Надежды часто обманчивы*; *se repaître de chimères* «питаться химерами» / *питать иллюзии, предаваться несбыточным мечтам*; разг. *poursuivre une chimère* «преследовать химеру» / *гнаться за несбыточной мечтой*, стремиться к невозможному; прилагательное *chimérique* «химерический» / несбыточный, *un esprit chimérique* «химерический дух/ум» / фантазер, прожектер.

В работе исследуются и сопоставляются также многочисленные приметы и поверья и связанные с ними ФЕ о небесном своде и природных явлениях, о рождении, жизни и смерти, о потустороннем мире, которые основаны на многовековых наблюдениях за основными циклами жизни человека, отраженных в русской и французской языковых культурах. Часто внутренняя форма таких фразеологизмов имеет множественную образность.

В разделе о ФЕ, этимологически восходящих к приметам и поверьям о небесном своде и природных явлениях, анализируются и сопоставляются разнообразные русские и французские устойчивые выражения, чья внутренняя форма связана с древними мифологическими представлениям о небе, звездах, планетах, о природных явлениях, погоде, об их влиянии на самочувствие, настроение и поведение человека и т.п. К ним относятся, например: *élever jusqu'au (troisième ciel)* «поднимать до третьего неба» / *превозносить до небес*, фразеологическая калька с французской идиомы *быть/чувствовать себя на седьмом небе (от счастья)* / *être (ravi) au septième ciel* «быть (радостным) на седьмом небе» – в греко-римской мифологии третьим считалось небо богини любви Венеры, седьмым – небо могущественного Сатурна [Merveilles et Secrets... 2000: 35; Мифологический словарь 1991]. Выражения типа: *avoir/exercer de l'ascendant sur qn* / *иметь/оказывать на кого-л. влияние*; *croire à l'étoile de qn* «верить в звезду кого-л.»; *lire aux astres*

(разг.) «читать по звездам» / *ротозейничать* и др. – восходят к поверью о том, что с рождением человека появляется новая звезда и всю жизнь влияет на его судьбу; под счастливой или несчастливой звездой (планидой) человек рождается [Грушко, Медведев 1996: 163–164]. Когда звезда падает – это ангел за душой усопшего полетел, надо успеть, не дав звезде погаснуть, загадать желание – обязательно сбудется [Там же]. Во Франции, видя *f. étoile filante/tombante* «звезда убегающая/падающая», говорят, что нужно *faire trois vœux* «сделать три желания»; звезды, падающие в конце июля – начале августа, называют *les larmes de Saint Laurent* «слезы святого Лаврентия» [Dubois 1982: 76]. Фразеологизмы, типа: *(être) de la lune* «(быть) с луны» (характеристика рассеянного, вечно мечтающего человека) / *быть не от мира сего*; *avoir l'air de tomber de la lune* «иметь вид свалившегося с луны» / *как с луны свалиться*; *être dans une/sa bonne/mauvaise lune* «быть в (своей) хорошей/плохой луне» / *быть в хорошем/плохом настроении / расположении духа*, более современный вариант *(être) bien/mal luné(-e)* «(быть) хорошо/плохо прилуненным(-ой)» – *Il est mal luné / Он не в духе* [Bernet, Rézeau 1989]; *Глядя на полную луну следует, вывернув карман, сказать: Луна, луна, как ты полна, так и наполни мой карман!; Кто родился в новолуние, живуч, долговечен* [Грушко, Медведев 1996: 267] и др. – связаны с представлениями о том, что Луна олицетворяет потусторонний мир и влияет на все странности в поведении человека. Фразеологизмы: идиома *jeter/lancer feu et flamme* «бросать/метать огонь и пламя» / *метать громы и молнии; рвать и метать*; пословица *Пока гром не грянет, мужик не перекрестится; Есть и на черта гром!; Разрази тебя гром!* и др. – образовались из верований о том, что *рассерженный бог-громовержец мечет на землю молнии, а чтобы Господь не поразил человека вместе с чертом, нужно перекреститься и зааминиться* [Максимов 1989: 7], во французской лингвокультуре речь идет о культуре Зевса или Юпитера. «Погодные» фразеологизмы: идиома *avoir/apporter le beau temps avec soi* [Derecker 1992: 365] «иметь/приносить хорошую погоду с собой» / *приносить хорошую погоду*; в русском языке говорят также: *приносить/привозить/увозить (с собой) (хорошую) погоду/плохую погоду/дождь* и др.

В разделе, где сопоставляются ФЕ, чья внутренняя форма связана с рождением, представлены различные выражения, основанные на наблюдениях за тем, что сопровождает момент появления человека на свет и что было мифологизировано в русской и французской лингвокультурах. Так, выражение: *судьба, выпавшая на долю / le destin dévolu* «судьба доставшаяся» – восходит к давнему обычаю, общему для всех древних культур, примечать все явления окружающей среды в момент рождения человека и делать по ним предсказания о его будущей судьбе. Идиомы: *родиться в сорочке/рубашке / être né(e) coiffé(e)* «быть рожденным(-ой) с покрытой головой/причесанным(-ой)» – в значении «быть счастливым, везучим» – к схожим поверьям: в России в родовой плаценте, пузыре, окружающем ребенка с головы до ног, как бы предохраняя его, видели подобие яйца – символа вечности, плодородия и созидания, эту «рубашку» все еще *крестят в церкви вместе с ребенком, затем высушивают, зашивают в ладанку и носят вместе с крестом на счастье, от колдовства и сглаза* [Грушко, Медведев 1996: 407]; французская идиома связана с более частым появлением

новорожденного не целиком в плаценте, но с ее остатками на головке – в средневековой Европе такой «головной убор» (*coiffé* «причесанный; с покрытой головой, в головном уборе») считался особой меткой и такие люди, по поверьям, имели второе «я», неотделимое от человека, т.к. оно сопровождало его с самого рождения [Lescouteux 1986: 98–100]; таким образом, идиомы: *f. âme/m.cœur double* «душа/сердце двойное» / *двоедушный человек, лицемер*; *m. alter ego* / *второе «я»* – также связаны с этим поверьем. Идиомы: *родиться под счастливой/несчастливой звездой* / *naître sous une bonne/heureuse/mauvaise étoile* «родиться под хорошей/счастливой/плохой звездой» – т.е. быть счастливым, удачливым или наоборот – восходят к поверью, описанному в разделе о небесном своде и природных явлениях, и в современном языке являются литературными синонимами идиом *родиться в сорочке/рубашке* / *être né(e) coiffé(e)*. Выражения: *ангел-хранитель (чей-л.)* / *m. ange gardien de qn* «ангел охранитель кого-л.» – защитник, покровитель; ирон. *блюститель порядка, полицейский; телохранитель*; *le bon/mauvais ange de qn* «добрый/плохой ангел кого-л.» / *добрый/злой гений кого-л.* – о человеке, который оказывает на кого-л. хорошее или плохое влияние, – восходят к поверью, общему для христианской культуры: «У каждой живой души свой ангел-хранитель. Народится человек – и нового ангела посылает Бог беречь его от греха наносного, от ухищрений нечистой силы» [Грушко, Медведев 1996: 16–18] и др.

В разделе о земной жизни сопоставляются русские и французские ФЕ, чья внутренняя форма этимологически связана с тем, что сопровождает человека на его жизненном пути и что было мифологизировано в русской и французской лингвокультурах. Здесь в сопоставительном аспекте представлены, в частности, приметы о прогнозах погоды и урожая по месяцам. Например: северорусская примета *Сиверок на Митрофана* (17 июня) *рожь дождями заливает (сиверок – название северо-восточного ветра)* [Там же: 72]; поверье *Les cierges de Chandeleur éloignent l'orage, la mort, les mauvais sorts, les démons de la nuit* «свечи Шанделёр удаляют грозу, смерть, злые судьбы, демонов ночи», где *la Chandeleur* «праздник свечей» – это праздник *очистительного огня* (15 февраля, обычно переводят как *Сретенье*), рифмованная примета *La veille de la Chandeleur l'hiver s'en va ou (re)prend rigueur* «накануне Шанделёр зима уходит или (вновь) набирает силу» [Dubois 1982: 19–29]; *Noël au jeu, Pâques au feu* [Lanher, Litaize 1989] «Рождество за игрой, Пасха у огня» / *После теплой зимы холодное лето* и др. Общей для многих культур является вера в удачное начало какого-либо дела – года, дня, пути и т.п., – к подобным воззрениям относятся многочисленные приметы и поверья, часто имеющие устойчивое речевое оформление. Например: *Как начнешь дело, так и кончишь* / *Доброе начало – половина дела/пути* / *Bien commencé, à demi avancé* «хорошо начато, наполовину пройдено» / *Qui bien commence bien avance* «кто хорошо начинает, хорошо продвигается»; *Как встретишь Новый год, так его и проведешь*; *С кем встретишь Новый год, с тем его и проведешь* и др. К поверью о счастливых и несчастливых часах в сутках, покровительствуемых соответственно добрыми или злыми ангелами (источником поверья считается средневековая апокрифическая книга «О часах добрых и злых»), согласно которому всякое недоброе пожелание, высказанное между полуднем и часом дня

и между полночью и часом ночи, сбывается неумолимо [Грушко, Медведев 1996: 295; Левкиевская 2000], относятся, например: *В добрый час!*; поговорки *в добрый час сказать, в худой промолчать; не в час сказать; avoir de bons et de mauvais quarts d'heure* «иметь хорошие и плохие четверти часа» / *быть то в хорошем, то в плохом настроении; быть человеком настроения; A la bonne heure nous a pris la pluie* «в добрый час нас застал дождь» / *Не было бы счастья, да несчастье помогло*. В русском языке есть поверье со сходным смыслом: если при начинании какого-либо дела пойдет дождь – *это к удаче*, например: *Дождь в дорогу – счастливый путь*. Согласно другим народным представлениям, если слишком тщательно подсчитывать имущество, можно навлечь на себя несчастье, например, есть русская примета: *Чужих кур не считай – сглазишь*; схожая французская примета: *Compter un troupeau porte malheur et attire le loup* «посчитать стадо – приносит несчастье и привлекает волка» [Rey 2006: 109]; сюда же можно отнести пословицы: *Brebis comptées, le loup les mange* «овцы посчитаны, волк их ест» / *Крадет волк и считанную овцу* – т.е. излишние предосторожности могут только навредить, и др.

В подразделе, описывающем сопоставляемые ФЕ, этимологически восходящие к представлениям о смерти в русской и французской языковых культурах, исследуются разнообразные устойчивые выражения, чья внутренняя форма соотносится с поверьями о конце жизненного пути человека и обо всем, что может быть с ним связано. Например: пословицы *Un beau mourir toute la vie embellit* «красивое умирание всю жизнь украшает» / *Конец делу венец; Умел пожить, умей и умереть; отдать богу душу / rendre/consacrer son âme à Dieu* «вернуть/посвятить свою душу богу». Идиомы: *s'en aller les pieds devant* «уйти/уходить вперед ногами» / *выйти/выходит вперед ногами* в значении «умереть/умирать», в русском языке чаще: *выносить/вынести (кого-л.) вперед ногами* (о том, кто умер), – восходят к поверью: «*Покойника принято выносить вперед ногами, чтобы душа его назад дороги не нашла, и не вернулась в дом за кем-нибудь еще, лишь при смертности от мора усопшего выносят вперед головою*» [Грушко, Медведев 1996: 362–365]. Смерть издревле у всех народов сравнивалась с трудным и последним в жизни путешествием, поэтому для ее описания и русский, и французский языки метафорически используют глаголы, связанные с дорогой, путешествием, трудностями пути [Ананьина 2016], например: *отправиться в последний путь/в последнее путешествие/туда, откуда не возвращаются / faire son dernier/ultime voyage* «совершить свое последнее/конечное путешествие»; *le voyage au bout du monde* «путешествие на край света» – в значении «смерть» – восходит к древнему поверью о том, что Земля плоская и у нее есть края, до которых очень трудно и долго добираться [Courtois 1991: 59]. Самобытны и не находят полного эквивалента идиомы типа: *faire son bagage/sa malle* «собирать свой багаж/свой чемодан» / разг. *собираться/готовиться (отправиться) на тот свет*, в том же значении: *дышать на ладан, стоять/быть одной ногой в могиле*; пословицы типа: *Il faut toujours être botté(-e) et prêt(-e) à partir* «нужно всегда быть обутом в сапоги и готовым уйти» (отсюда: *graisser ses bottes* «смазывать свои сапоги», *laisser ses bottes* «оставить свои сапоги» в значении «умирать/умереть»); *Жить надейся, а умирать готовься* и др.

В обоих языках существуют ФЕ, отражающие восприятие потустороннего мира, которое опирается на древнюю как мир веру в то, что *жизнь после смерти существует*. Среди подобных русских и французских ФЕ есть схожие по форме и содержанию, полные и частичные эквиваленты, восходящие к дохристианской и христианской эпохам, например: *en ce monde et dans l'autre* «в этом мире и в другом/ином» / *на том и на этом свете*; *Mon royaume n'est pas de ce monde* / *Мое царство не от мира сего*, производный фразеологизм: *ne pas être de ce monde* «не быть из этого мира» / *быть не от мира сего*, *Il(elle) n'est plus de ce monde* «он(-а) больше не из этого мира» (о том, кто умер) / *Он(-а) отошел/отошла в мир иной*; *passer au pays de l'au-delà* «перейти в стране по ту сторону» / *отправиться на тот свет*. Встречаются и самобытные ФЕ, например: *На тот свет отовсюду одна дорога* или *voir les pissenlits pousser par la racine* «видеть, как растут одуванчики от корня» / *быть похороненным, лежать в земле* и др., – чья внутренняя форма отражает уникальные культурно-языковые особенности. Здесь также анализируются ФЕ, восходящие к поминальным обрядам и обрядовым угощениям, например: *Кто печет блины на поминки, печется о насыщении души покойника* [Грушко, Медведев 1996: 371]; *manger le mort* «есть мертвеца» означает *помянуть кого-л. (за поминальным столом)* [Depecker 1990]; *la galette des Rois* «пирог королей» (богоявленский пирог с сюрпризом) и др.

В приложении «Межъязыковые эквиваленты фразеологизмов французского и русского языков, содержащих в своей семантике приметы и поверья», наглядно показаны типологические и контрастивные свойства проанализированных фразеологизмов, классифицированных согласно системе межъязыковых фразеологических эквивалентов [Калинина 2007]:

– межъязыковые полные структурно-семантические эквиваленты, например: *rendre son âme à Dieu* / *отдать богу душу* (умереть); *partir au bout du monde* / *уехать на край света* (уехать очень далеко) и др.;

– межъязыковые частичные структурно-семантические эквиваленты, например: *élever jusqu'au troisième ciel* «возносить до третьего неба» – чрезмерно хвалить кого-л. – *превозносить до небес* и др.;

– межъязыковые функционально-смысловые эквиваленты, например: *poursuivre une chimère* «преследовать химеру» – стремиться к невозможному – *гнаться за (несбыточной) мечтой* и др.;

– межъязыковые фразеологические семантические корреляты, например: *Il faut toujours être botté et prêt à partir* «нужно всегда быть обутом и готовым уйти» – следует всегда быть готовым к худшему – *Жить надейся, а умирать готовься* и др.;

– безэквивалентные ФЕ, например: *Toucher le berét d'un marin porte Bonheur* «дотронуться до берета моряка приносит счастье» – в русском языке нет соответствия, и др.

Заключение

В итоге проведенного анализа можно заключить, что сигнификативное значение ФЕ русского и французского языков, семантика которых отображает приметы и поверья, являет собой интерпретацию мифологической картины мира в

сознании современных носителей обоих языков. Такие ФЕ прочно живут в языковом сознании обоих культурно-языковых социумов.

Можно утверждать, что образы ФЕ русского и французского языков, семантика которых отображает приметы и поверья, уходят в далекую древность, а сами ФЕ предоставляют знания о мировоззрении далеких предков, составляя значительное достояние русской и французской лингвокультур. Сопоставляемые ФЕ соотносятся в основном с архетипическим, мифологическим, библейским, фольклорным пластами культуры, иногда с несколькими одновременно.

Русские и французские ФЕ, восходящие к приметам и поверьям, являются в основном яркими образными языковыми единицами, выражающими заметное ценностно-эмотивное отношение к тому, что отражено в их культурно-языковом значении.

Перечисленные выводы можно отнести к общим свойствам русских и французских ФЕ, семантика которых отображает приметы и поверья. Различия же касаются в первую очередь формы выражения, т.е. выбора того или иного явления окружающей действительности, подвергнувшегося мифическому переосмыслению в качестве кода культуры, для вторичного означивания культурных смыслов. Контрастивные черты таких ФЕ зависят в основном от отображенных в них доминирующих культурно-языковых традиций, обусловленных геоклиматическими особенностями, историческими событиями, религиозными различиями и т.п.

В сопоставляемых русских и французских ФЕ национально-культурная специфика проявляется, как правило, в представлении природно-климатических явлений, демонических «персонажей», потустороннего мира, небесной сферы, означенных в их семантике следующими кодами культуры: демонологическим, «сверхъестественным», временным, небесным, природным, зооморфным, кодами болезни и смерти, загробного (потустороннего) мира. Во внутренней форме одной ФЕ может одновременно заключаться несколько различных кодов культуры.

Дальнейшие исследования разрабатываемых ФЕ могут быть связаны с выявлением их внутренних форм, выяснением их исторического происхождения и с тем влиянием, которое они оказывают на современную культуру и поведение представителей русской и французской лингвокультур. Результаты работы могут быть применимы при изучении ФЕ иных лингвокультур, восходящих к мифическому сознанию. Разработка лингвокультурологического комментария ФЕ, семантика которых отображает приметы и поверья, может иметь значение в целом для развития сопоставительной лингвокультурологии на основе фразеологии.

Содержание диссертации получило отражение в следующих публикациях:

1. Ананьина Т.С. Сопоставительный анализ французской и русской фразеологии, основанной на легендах, поверьях и суевериях // Преподаватель XXI век. – 2009. – № 3. – Ч. 2. – С. 355–363 (0,5 п.л.).

2. Ананьина Т.С. Пример применения функционально-параметрического анализа к французским фразеологизмам с основным компонентом – характеристикой цвета «bleu» // Вестник Московского

государственного областного университета. Лингвистика. – 2016. – № 1. – С. 99–107 (0,5 п.л.).

3. Ананьина Т.С. Лингвистическое и культурологическое описание фразеологизмов, содержащих в своей семантической структуре поверья и приметы // Преподаватель XXI век. – 2016. – № 1. – Ч. 2. – С. 327–338 (0,8 п.л.).

4. Ананьина Т.С., Зимин В.И. Основные семантические модели во фразеологических единицах русского и французского языков с доминантным значением «умирать/умереть» (сопоставительный аспект) // Преподаватель XXI век. – 2017. – № 4 – Ч. 2 – С. 355–363 (0,5 п.л.).

5. Ананьина Т.С. Мотивационный макрокомпонент семантики фразеологизма как ядро его лингвокультурологического значения (на примере некоторых русских и французских фразеологических единиц, восходящих к поминальным обрядам) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 9 (87). – С. 322–325 (0,23 п.л.).

6. Ананьина Т.С. Примеры сопоставительного выявления культурно-маркированных компонентов в семантической структуре русских и французских фразеологических единиц, восходящих к приметам и поверьям // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 10 (88). – С. 37–40 (0,23 п.л.).

7. Ананьина Т.С. Приметы, поверия и суеверия в современных русском и французском языках // Актуальные проблемы лингвистической культурологии: материалы X научно-практической конференции. – М.: Прометей, 2003. – С. 39–48 (0,6 п.л.).

8. Ананьина Т.С. Примеры греко-римских мифологем в составе лексических единиц современного французского языка // Актуальные проблемы лингвистики и лингвокультурологии: материалы XII Международной научной конференции. – М.: МПГУ, 2015. – С. 63–67 (0,3 п.л.).

9. Ананьина Т.С. Основные этапы формирования русской фразеологической науки в XX веке // Актуальные проблемы лингвистики и лингвокультурологии: материалы XIII Международной научной конференции. – М.: МПГУ, 2016. – С. 31–47 (1 п.л.).

10. Ананьина Т.С. Образ «пути» во фразеологических единицах семантического поля «смерть» во французском и русском языках // Романское культурное и языковое наследие: История и современность: материалы международной научной конференции (21–22 июня 2016 г., Москва). – М.: ИИУ МГОУ, 2016. – С. 88–93 (0,4 п.л.).

11. Ананьина Т.С. Тематические модели вербализации семантического поля «смерть» во фразеологических единицах французского и русского языков (сопоставительный аспект) // Сборник материалов научной сессии по итогам выполнения научно-исследовательской работы Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета. 2016–2017 учебный год: в 2 ч. / под ред. М.Я. Блоха, Е.А. Никулиной, И.В. Харитоновой, Е.Е. Беляевой. – М.: МПГУ, 2017. – Ч. 1. – С. 22–25 (0,3 п.л.).

12. Ананьина Т.С. Актуализация культурного кода потустороннего мира во фразеологических единицах французского и русского языков (сопоставительный аспект) // Сборник материалов научной сессии по итогам выполнения научно-исследовательской работы в Институте иностранных языков Московского педагогического государственного университета за 2017–2018 год / под ред. М.Я. Блоха. – М.: МПГУ, 2018. – 268 с. – С. 30–34 (0,3 п.л.).

13. Ананьина Т.С. Пример выявления культурно-маркированных компонентов в семантике французских и русских фразеологических единиц // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики: традиции и инновации. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Института иностранных языков (Москва, 22–24 ноября 2018 г.): в 3 ч. / под ред. Е.А. Никулиной, Е.Е. Беяевой. – М.: МПГУ, 2018. – Ч. 1. – С. 203–209 (0,3 п.л.).